

НАТАЛЬЯ БЕРЗИНА

КРИМИНАЛЬНЫЙ ТАЛАНТ

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

КОГДА В ПРИЦЕЛЕ
ЛЮБОВЬ

Наталья Берзина

Когда в прицеле любовь

«Центрполиграф»

2009

Берзина Н. А.

Когда в прицеле любовь / Н. А. Берзина — «Центрполиграф»,
2009

В Сербии Жанна потеряла тех, кого любила больше всего на свете, - мужа и сына. Но война – не женское дело, пришло время забыть о мести и сложить оружие. Пора было возвращаться на родину и учиться мирной жизни. Нужда заставила Жанну стать гувернанткой сына очень состоятельного мужчины. И тут началось страшное: несчастные случаи, странные смерти, убийства. Жанна мечтала о том, чтобы ей никогда больше не пришлось держать человека под прицелом снайперской винтовки. Однако, как и в прошлом, судьба поставила ее перед смертельным выбором.

Наталья Берзина

Когда в прицеле любовь

Они остановились возле темной пушистой ели. Дыхание сбивалось. Кровь тяжело бухала в висках. Лицо мальчика побелело. Крупные капли пота стекали по чумазым щекам, оставляли грязные подтеки. Белки выпученных от напряжения синих глаз покраснели. Жанна опустилась перед ребенком на корточки, взяла его за плечи, сказала:

– Держись, мой хороший! Немного осталось! Выберемся из леса и поедем домой!

– Где папа? – выдохнул мальчик.

– Папа на работе! Он освободится и приедет к нам! Потерпи!

Жанна обняла щуплое тельце. «Господи, как он похож на Митю!» – подумала, чувствуя, как слезы наполняют глаза. Вот только расслабляться нельзя. Спасать мальчика нужно любой ценой! Один неверный шаг – и последствия будут ужасными. Она сама виновата в том, что ситуация сложилась таким образом. Нельзя было отвечать на письмо! Но теперь поздно что-либо менять. Единственная возможность спасти мальчика – увезти его подальше, а после думать, как выпутаться.

Сумрачная лощина, в которой они остановились перевести дух, спускалась к неширокому ручью. Неподалеку вывороченные бурей вековые ели образовали непроходимый завал. Вода с журчанием проходила между увешанными зеленым мхом полусгнившими стволами. Почти черная, вязкая грязь, повисшая на уродливых, оголенных корнях некогда величественных елей, пахла болотом. Атмосфера в этом диком месте была гнетущей, пугающей. Жанна не могла представить, что совсем рядом бурлит жизнь. Огромный мегаполис, отделенный от заповедного леса всего лишь кольцевой дорогой, жил своей суетливой жизнью. А здесь простирался вековой, не тронутый человеком лес.

Уже больше шести часов она уводила мальчика на север. Погони не опасалась: некому было за ними гнаться, но спасать ребенка оставалось необходимостью. Бог с ним, с отцом. В конце концов, не она придумала для него такую судьбу. Если он перешел кому-то дорогу, пусть отвечает сам. Она для него никто. Просто жаль мальчишку. Он-то совершенно не виноват в том, что на семью устроили охоту. Времени мало. Необходимо где-то спрятать Игната. Причем так, чтобы его никто не нашел. После можно будет что-нибудь придумать. Сейчас не стоит строить никаких планов. Нужно только спасти мальчишку.

Серая тень мелькнула где-то слева. Неясная. Размытая. Жанна осторожно, медленно, стараясь не привлекать внимания, повернула голову. Сердце, еще не успокоившееся от долгого бега, рухнуло вниз. Это не собаки! В десяти шагах от них, на пригорке, наполовину скрытая кустом бузины, стояла матерая волчица! Но самое страшное – волчица была не одна. Чуть впереди, вздыбив шерсть на загривке, осканился молодой волк! Едва слышное рычание – волк сделал шаг к Жанне.левой рукой она прикрыла мальчика. Правой нащупала в кармане куртки прихваченный из дома раскладной нож. Не делая лишних движений, медленно достала его. Сухой щелчок показался оглушительным. Лезвие матово блеснуло и выпорхнуло из рукояти. Молодой волк зарычал, но с места не двинулся, зато волчица полностью выдвинулась из-за куста и стала рядом со своим отпрыском. Ужас холодной волной прошел по спине. Жанна не знала, что делать. С собаками проще. Их поведение достаточно предсказуемо. Но волки! Защищаться от двоих? Но как? Женщина не представляла себе, как атакует волк, куда может направить удар. Необученная собака бросится на любой выставленный вперед предмет. Обученная прыгнет на горло, постарается первым ударом сбить с ног. Но что сделает волк? В особенности если учесть, что их двое! Осторожно передвинувшись так, чтобы перепуганный мальчик оказался за спиной, Жанна замерла на пути хищников, слегка расставила руки и всем

своим видом продемонстрировала спокойную агрессию. Мол, я готова к отражению атаки, но не бросаюсь в схватку первой.

Молодой волк, осторожно ступая, сделал пару шагов навстречу и замер в трех метрах. Желтые глаза непрерывно следили за женщиной. Жанна понимала: один неосторожный жест, одно необдуманное движение – и хищник атакует. Затаив дыхание, она наблюдала за действиями зверя. Клинок ножа длиннее волчьих клыков, да вот реакция у человека не в пример хуже. Если пара волков атакует, не сладко придется и ей и мальчику. До людей добираться долго!

Волчица шумно втянула воздух. Наклонила лобастую голову, словно задумалась. Переступила на месте и нервно зевнула, продемонстрировав полный набор острых клыков. Жанна напряглась. Покрепче сжала оружие. Главное сейчас – не побежать. Догонят в два прыжка, собьют и... Волчица издала странный приглушенный звук, будто пискнула негромко, и неспешно потрусилась прочь. Молодой волк вдруг сел, оскалился и, высунув красный мокрый язык, с усмешкой уставился на Жанну. По-собачьи завилял хвостом, рыкнул, сорвался с места и бросился догонять мать-волчицу.

Жанна почувствовала: силы окончательно оставили ее. Опустилась на влажный мох, закрыла лицо руками. Осознание того, что опасность миновала, приходило медленно. Игнат что-то говорил, быстро, захлебываясь словами, но она ничего не понимала. Отрешенно раскачивалась из стороны в сторону, глухо мычала и не могла сказать ни слова. Прошло довольно много времени, прежде чем она услышала голос ребенка:

– Жанна! Жанна! А куда ушли собачки?

– В лес ушли. Гулять! – ответила женщина, все еще чувствуя, как дрожит каждая жилочка. – Пойдем и мы. Ты хочешь прокатиться на поезде?

– Да! А там будут такие вагоны, как в метро? – поинтересовался мальчик.

– Не совсем, но похожие. Ты, надеюсь, не слишком устал?

– Немножко. Только кушать хочется.

– Тогда нечего прохлаждаться. Пойдем. На станции перекусим! – скомандовала Жанна, вставая.

Перебрались через ложбину. Она повела Игната дальше на север. Припомнив карту, Жанна решила, что проще всего двигаться именно в этом направлении, чтобы добраться до дороги, протопать шесть километров, подъехать автобусом к железной дороге и увезти ребенка как можно дальше от города, в котором люди, как выяснилось, опаснее диких зверей.

Позиция была удобной и относительно безопасной. Слуховое окно с наполовину разбитым стеклом выходило на запад, прямо на дорогу, ведущую в селение. Устроившись с комфортом в старом плетеном кресле, Жданка установила винтовку на еще крепкий стол и, глядя в прицел, проверила сектор обстрела. Отлично. Находясь в пяти метрах от окна, она могла не сомневаться в том, что ее засекут не слишком скоро. Пламегаситель, толстым уродливым наростом венчавший винтовку, должен был выручить и на этот раз. Что же касается звука выстрела, его отчасти погасит и рассеет сам чердак.

Напарника у нее никогда не было. Не привыкла Жданка исполнять чью-то волю. В армию она пришла сама и действовать предпочитала по собственному усмотрению. Эту позицию она отыскала сразу после того, как Армия Сербской Краины заняла Сребреницу. Почти месяц держала ее в запасе – и не прогадала. Сейчас, когда хорваты начали наступление, заброшенный дом пригодился. Другие снайперы работали группами, с солидным прикрытием, но Жданка всегда отказывалась от пулеметчиков. Зачем? Все равно! Терять ей было уже нечего. Она осталась одна на этой земле. Где-то далеко-далеко живет мама, но связи с ней нет с начала войны. Эта проклятая война отняла у Жданки семью, оставила в сердце глухую боль и ненависть. Ненависть ко всем, кто убил ее сына, отнял мужа. Люди, которые отдавали приказы, укрылись за океаном! Но здесь было достаточно исполнителей. Не важно, что не удастся ото-

мстить тому, кто возглавил бойню. Можно уничтожать всех, кто растерзал мужа, кто наводил на цель «умные» бомбы. Таких немало. Не стоит задумываться, кто они: хорваты, мусульмане или откормленные парни в голубых касках. В перекрестии прицела нет национальности. Для Жданки они всего лишь мишени. СВУ для того и предназначена, чтобы уничтожать врага. Многие стрелки пользуются германскими или американскими винтовками. Что ж, это личное дело каждого. Сама Жданка начинала с «Заставы М76» – почти точной копией советского автомата АК-47. Ничего не скажешь, хорошее оружие, но СВУ ей понравилась больше. Короткая, прикладистая, да и отдача мощного патрона не так ощущается. Идеальное женское оружие. Сказалось еще и то, что с прародителем СВУ, снайперской винтовкой Драгунова, она была знакома не понаслышке. Потому и купила понравившуюся свушку. Местные умельцы оснастили винтовку раздвижными сошками, поставили отличную оптику, теперь работать было – одно удовольствие.

Жданка не могла себе позволить предаваться воспоминаниям. На позиции этого делать нельзя. Расслабленность прошла сама собой, когда на вершине холма появился «хаммер». Наблюдатели, мать их.

Сильная оптика позволила рассмотреть даже нашивки на пятнистой форме здорового негра. Пусть они себя величают афроамериканцами, для нее они так и останутся янками. Винтовка вздрогнула. Негр нелепо взмахнул руками и рухнул рядом с колесом. «Все верно! Никто тебя сюда не звал! Может, и не ты нажал кнопку бомбосбрасывателя, но именно ваша американская бомба упала на дом, где мирно спал в детской кроватке мой сын!» – подумала Жданка и перевела перекрестие на лобовое стекло уродливого чудовища, по недоразумению названного автомобилем. За отблескивающим стеклом кто-то был, только не разобрать – кто именно. Затаившийся враг выжидал. Потом «хаммер» вздрогнул, покатился назад, скрылся за перегибом дороги. «Своего бросил!» – удивилась Жданка. Убитый американец остался лежать на дороге. Долгие полтора часа ничего не происходило. Только вороны, слетевшиеся на падаль, ближе подбирались к неподвижному телу. Через прицел Жданка наблюдала, как они, бочком, опасливо подпрыгивая, высматривали место, чтобы клюнуть, попробовать, готов ли обед. Люди в камуфляже появились на дороге неожиданно. Подбежали, пригибаясь, к телу. Принялись хлопотать вокруг. Жданка поймала в прицел того, кто распоряжался всеми, потянула спусковой крючок. Хлесткой плеткой ударил выстрел, почти невидимая струйка пламени вырвалась из ствола. Главарь споткнулся, упал лицом вниз на гравий обочины. Отлично! Оставшиеся без руководства солдатики засуетились, начали оглядываться. Кто-то с перепугу принялся палить из автомата в белый свет, как в копеечку. Жданка усмехнулась. Винтовка послушно сдвинулась в сторону, следующая пуля помчалась к очередной цели. Пусть! Пусть другая женщина захлебнется плачем, как когда-то она, узнав, что ее мужа растерзала озверевшая толпа. Он ведь никогда не носил военной формы. Его убили за то, что он был отличным хирургом, спасал людей и никогда не спрашивал, кто они!

Враги отползли назад. Теперь можно было передохнуть. Все равно там уже поняли, что работает снайпер, и не сунутся до темноты. Жданка достала из рюкзака термос, контейнер с бутербродами. Странно, когда-то попробовав жареную брынзу с белым хлебом и помидорами, настолько приистрастилась к этой нехитрой пище, что теперь всегда брала с собой на позицию... Единственное, что осталось от той недолгой мирной жизни... Разве могла она когда-то предположить, что счастье окажется недолгим, а расплата за него – такой страшной. Уезжая сюда вместе с мужем, она больше всего хотела убежать от навалившихся проблем, бесконечных очередей и страха перед неизвестностью. Страна разваливалась прямо на глазах. То, что казалось незбылемым, вдруг стало рассыпаться, словно замок из песка. Людей охватила паника. Кто-то ломанулся в Народный фронт, кто-то с пеной у рта ратовал за возврат к социализму. Все как один дружно бегали по опустевшим магазинам в тщетной надежде купить хоть что-то из еды. Брак с Себастьяном давал реальную возможность вырваться из кошмара. Благо и семья

его с радостью готова была принять невестку. Жданка любила мужа и в самом деле готова была отправиться за ним на край света. Даже не слишком хорошее знание языка не особенно останавливало ее. Какая разница! Язык можно выучить, а там и работу найти. Благо язык-то почти свой, по крайней мере славянский. С Себастьяном Жданка начала почти сразу говорить по-сербски, или почти по-сербски. Только с младшей сестрой Себастьяна, Люцией, она так и не нашла общего языка. Жданка не устраивала девицу абсолютно всем: и как одевается, и как ходит, и как говорит; прожили они под одной крышей всего месяц, после чего Себастьян вместе с молодой женой переехал в Баня-Лука. Кто тогда мог предположить, что в октябре начнется первая война! Почти год продолжались яростные стычки на границах. Люди, жившие бок о бок, возненавидели друг друга и готовы были порвать бывшему соседу глотку. И хотя в городах было относительно тихо, Себастьян одним из первых узнал, что такое кровь человеческая. Сначала в больницу начали привозить раненых из пограничных сел, а спустя два года, когда война перешла в активную фазу, его призвали на службу в армейский госпиталь. Он появлялся дома изредка, когда удавалось оставить ненадолго тревожную службу. Жданка к тому времени успела стать мамой, вполне освоила язык, устроилась на работу учителем русского языка в привилегированную гимназию...

Хоронили Себастьяна в закрытом гробу. Жданке даже не разрешили взглянуть на то, что осталось от мужа. Только из рассказов очевидцев она смогла составить неясную картину того, как погиб ее любимый человек. Спустя две недели отвезла сына к бабушке. Дмитру Стояновичу пытался отговорить Жданку, но она стояла на своем. Оставила ребенка родным – и на следующий день записалась в отряд самообороны.

Первый разряд по биатлону сыграл свою роль. Через неделю общей подготовки Жданка получила первую винтовку и вышла на позицию, через месяц – стала самым результативным снайпером в отряде.

Полгода в любую погоду она выходила на огневой рубеж. Деньги, хотя и немалые, были для нее второстепенны, особенно после того, как янкесы разбомбили дом, в котором жили родители Себастьяна. Ни от дома, ни от сына не осталось ничего. Только память о нежных детских ручках, которые когда-то касались ее лица. Теперь Жданка стала не то чтобы особенно кровожадной, она превратилась в машину мести. Даже Лукс ничего не мог сделать. Все стрелки безоговорочно подчинялись командиру, только Жданка оставалась исключением. Никакие меры на нее не действовали. Она даже слушать не хотела о перемириях. Каждый день женщина выходила на позицию, каждый день сдавала сведения о пораженных целях. Когда на линии перемирия начали появляться американские военные, охота на них стала основным занятием Жданки. Однажды Лукс запер ее в подвале. Впрочем, в тот же вечер он горько раскался в содеянном. Жданка ушла ночью. Спустя два дня она вернулась, раненная, с простреленной ногой... довольная.

- Все, Лукс, я положила всех! – сказала, придерживая рукой простреленную ногу.
- Кого всех? – поинтересовался командир.
- Весь пост янкесов! Пятерых. Отметь у себя. На двадцатом километре.
- Ты ранена! Нужно к врачу! – Лукс увидел, как мутнеют глаза Жданки.
- Ерунда! Все равно недолго осталось! – успела сказать она и потеряла сознание.

В госпитале Лукс навещал ее почти каждый день. Рана оказалась пустяковой, но крови Жданка потеряла много. Чтобы полностью восстановиться, пришлось без малого две недели отлеживаться. Лукс, всегда суровый и неприступный, таскал ей цветы и фрукты, вообще вел себя не как командир подразделения, а как влюбленный мальчишка. Она только удивлялась происшедшим с ним метаморфозам. Но воспринимала их как-то вскользь. Внутреннее, душевное состояние было у Жданки куда хуже, чем физическое. Да, она вернулась, отомстив сполна за смерть мужа и гибель сына, но ощущение пустоты и одиночества охватило ее. Она не хотела

больше жить. Ради чего, спрашивается, нужно все то, что она делает? Все равно с того света уже никого не вернуть. А каждый ее выстрел несет смерть, раскручивает страшный маховик войны, которую невозможно остановить. Тоска, жуткая, безысходная, навалилась могильным камнем, не было никаких сил освободиться от нее. Отвращение к жизни было велико, Жданку раздражала даже забота Лукса.

Забирать ее из госпиталя он приехал лично. Усадил в потрепанный «пежо», укутал ноги стареньким затертым солдатским одеялом. Жданка всю дорогу молча смотрела в окно, только в городе спросила:

– Куда мы едем?

– Ко мне. Тебе сейчас нужно прийти в себя. Отдохнуть, отлежаться. Лучше, если недельку-другую поживешь у меня, – спокойно ответил Лукс.

Жданка снова отвернулась и зябко поежилась. Лукс понял ее по-своему и тут же добавил:

– Не бойся. Не стану тебя трогать. Просто поживешь – и все. Я переберусь в гостиную, ты устроишься в спальне.

Слезы прорвали плотину и сами собой потекли по щекам. Сначала Жданка вытирала их ладошками, потом перестала замечать. Когда Лукс, придерживая под руку, вел ее по скрипучей деревянной лестнице, она даже не видела ступеней. Вся накопленная боль, все отчаяние, накопившееся душе, вырвались наружу, Жданка плакала навзрыд. От горечи потери, от собственной слабости, оттого, что жизнь рухнула, от дурацкого внимания Лукса, от его глупых слов...

Она плохо помнила, как он усадил ее на стул, как поднес к губам кружку с чем-то остро пахнущим. С размаху, не осознавая, что делает, Жданка выбила кружку из его рук, та покати-лась по полу, звякнула, ударилась о плитку и замерла. Жданка резко поднялась и закричала в лицо Луксу:

– Что ты ходишь вокруг да около? Что тебе от меня нужно? Ну что ты ко мне пристал? Все вы одинаковые! Скажи, чего ты хочешь? Что, нельзя просто дать мне умереть? Почему я вернулась? Зачем? Чтобы ты надо мною измывался? Да мне лучше было бы просто поймать свою пулю! Господи! Лучше бы я умерла!

От негодования она даже не замечала, что кричит по-русски. Лукс стоял перед ней, не зная, что предпринять. Растерянно моргал и совершенно не походил на спокойного сдержанного командира, к которому привыкла Жданка. Лицо его вдруг исказила гримаса боли. Он резко привлек девушку к себе. Заткнул кричащий рот поцелуем.

Она ответила. Сильно. Жестко. Нетерпеливо. Куда-то исчезли стыдливость и скромность. Она неожиданно захотела почувствовать себя желанной, слабой женщиной. Пусть ненадолго, всего на час или на несколько минут. Пусть обман! Пусть иллюзия! Не важно! Но сейчас ей *это* было необходимо! Суматошно, не задумываясь о правильности действий, она срывала с себя одежду и со стоном подставляла тело под поцелуи Лукса. Времени думать о последствиях у нее не было.

Наверное, потому она почти не помнила, как *это* произошло. Лишь утром, проснувшись с тяжелой головой и дикой жаждой, с некоторым удивлением обнаружила рядом с собой совершенно голого командира. Он спал, зарывшись лицом в подушку, раскинув длинные волосатые ноги. Лукс оказался совершенно не таким, как Себастьян. Жданка сидела рядом с ним и пыталась понять, зачем уступила. Мало того что от выпитого мутило, так еще и на душе скребли кошки. Пошатываясь, она добралась до ванной и долго терла жесткой мочалкой тело, будто пыталась смыть не только следы прикосновений, но и кожу.

Когда, завернувшись в полотенце, она вышла, то почувствовала запах жареного хлеба и горьковатый аромат крепкого кофе. Лукс, даже не подумав что-либо набросить на себя, стоял на кухне и орудовал у плиты. Стопка обжаренных тостов высилась на тарелке, рядом красовалась вскрытая упаковка сыра, а большая джезва аппетитно парила свежесваренным кофе. Лукс широко улыбнулся и кивнул на бутылку красного вина, стоящую на рабочем столе:

– Поправь здоровье! Сегодня у нас с тобой выходной. Бойцы уже вышли на позиции, а мы будем праздновать!

– Что ты собираешься праздновать? – удивилась Жданка.

– Да хотя бы то, что наконец ты снизошла до меня! – расхохотался Лукс. – Ты разве не видела, что я давно на тебя запал?

– Что из этого вытекает? – хмуро уточнила Жданка, отхлебывая прямо из бутылки кислое холодное вино.

– То, что теперь мы будем вместе! – радостно засмеялся Лукс.

– Ты решил за нас двоих? А мое мнение тебя не интересует? – вспыхнула Жданка и поморщилась от резкой боли, раскаленным гвоздем кольнувшей прямо в мозг.

– Успокойся! Лучше садись завтракать! – резко осадил Лукс. – Ты что, сама не понимаешь, что это рано или поздно с тобой случилось бы? Ты одна! В окружении озверевших самцов! Все равно кто-нибудь тебя завалил бы! Это я сдерживал их! Или ты предпочитаешь, чтобы тебя разложили все? Сразу! Пропустили через строй! Ты этого хочешь? Скажи?!

– Почему я?! Что, не хватает шлюх в таверне? – чувствуя, как сдают нервы, выкрикнула Жданка.

– Они уже осточертели! Всем хочется свежего мяса! Мне, кстати, тоже! Я не железный! Когда рядом с тобой день изо дня такая женщина, невольно крышу сорвет! Потому и начал за тобой ухаживать! Думаю, и для тебя лучше, чтобы я был один, – успокаиваясь, уже без крика сказал Лукс. – Садись, тосты стынут.

Ее корбило от одной мысли, что все могло произойти именно так, как предрекал командир. Хотя умом она понимала: только чудо спасало ее от изнасилования все то время, которое она прожила бок обок с солдатами. Многие из них были попросту наемниками, убивавшими людей за деньги. Они слетались на запах крови со всего мира. Озлобленные, кровожадные, не гнушающиеся ничем. Лукс хотя бы внешне соблюдал некие приличия.

С той ночи Жданка перебралась к нему. И хотя время от времени приходилось делить с ним ложе, жизнь ее особенно не изменилась, все так же изо дня в день она уходила на «охоту», чтобы мстить за смерть близких.

Первая мина гроыхнула неподалеку от заброшенного дома. Застучали по кирпичам осколки. Вторая разорвалась прямо на дороге, расколола выбитый асфальт, выплеснула адское пламя, выдавила остатки стекла из слухового окна. Жданка едва успела пригнуться, залетевший на чердак осколок вдребезги разнес термос с остатками кофе. Завывание следующей мины она услышала, когда кубарем скатывалась вниз, прижимая к себе винтовку. Близкий разрыв на секунду оглушил, заставил сжаться в комок, прислониться к стене, застыть на месте. Что бы она ни говорила, но вот так глупо погибать под минометным обстрелом совершенно не хотелось. Спустившись в подвал, Жданка пробралась к стене, выходящей на дорогу, и опустилась на разохшийся бочонок. Здесь можно будет переждать обстрел. Взрывы тяжелых мин заставляли старый дом вздрагивать, словно в испуге. От каждого содрогания с потолка сыпался мусор. В воздухе повисла вековая пыль. Мучительно хотелось чихать. Жданка с силой потеряла переносицу. Понимая, что сегодня уже не удастся продолжить работу, она неторопливо зачехлила винтовку. Времени на то, чтобы почистить оружие, было предостаточно, да только какой прок делать это в облаках невесомой пыли, которая тут же окажется на деталях затвора. Нет! Лучше сделать это в расположении, где едва ли не в стерильных условиях можно как следует позаботиться о перной СБУ.

Жданке показалось, что она задремала. Почему-то вспомнился Себастьян, его волнующие прикосновения, нежный ласкающий взгляд. Они сидели на пустынном ночном пляже. Полная, огромная луна повисла над Святым Стефаном, удивительным островом-отелем. Волны, как говорили здесь, Ядранско моря играли не то с крупным песком, не то с невероятно

мелкой галькой. Теплая южная ночь очаровывала. Себастьян привез Жданку сюда, чтобы та несколько дней отдохнула у моря, которого раньше не видела. Милый старинный городок привел ее в восторг, весь вечер они бродили по узким кривым улочкам, заглядывали в многочисленные кафе и бары и только к ночи оказались на этом укромном пляже возле острова.

Жданка прилегла на теплый песок и, положив голову на колени мужа, слушала его рассказы. Негромкий голос убаюкивал. Сердце восторженно уносилось ввысь. Хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось.

– Так вот! Святой Стефан изначально был крепостью. Построили ее в 1442 году местные рыбаки, чтобы защитить семьи от набегов пиратов и турок. Острые как бритва скалы не позволяли неприятелю подойти к крепости, мощные орудия на стенах прикрывали единственный вход в бухту. Видишь, сейчас остров соединен с берегом дорогой, а тогда ее не было. Добраться до крепостных ворот можно было только на лодке. При малейшей угрозе лодки вытаскивались на берег острова и всякая связь с сушей прекращалась. Вон там, над воротами, небольшое здание – «правда». То есть суд по-нашему, по-сербски. В стародавние времена там разрешались все споры между горожанами. Несмотря на небольшие размеры острова, на нем сразу три церкви. Святого Стефана, Александра Невского и самая старая – Преображения.

– Постой! Как это Александра Невского? – удивилась Жданка. – Помнишь, у нас в городе храм на берегу реки? Ну тот, старинный. Говорят, в нем венчался с нашей княжной сам Невский! Что же получается? Мой родной город и этот – побратимы?

– Не совсем. Александр Невский причислен к лику святых, и храмы в его честь возведены во многих православных странах. А церковь у тебя на родине называется Благовещения! Ты что, этого не знала?

– Я никогда не придавала этому значения. Стоит и стоит, какая разница!

– Зря, историю своей родины нужно знать! – поучительно заметил Себастьян. – Благовещенская церковь, построенная в середине XII века, а точнее, в 1120 году была наиболее значительным памятником зодчества раннефеодальной эпохи. Это – тип шестистолпного, однокупольного, трехапсидного храма. Внутреннее пространство членилось на три нефа. Средний, наибольший, имел сводчатые перекрытия, боковые – крестовые. Как и у большинства древних храмов, архитектура его лаконична: стены оживляются лишь полуциркульными нишами и вертикальными лопатками. А вот рядом с ним недавно действительно заложена церковь Александра Невского!

– Ты меня поражаешь своими знаниями! Когда ты все успел разузнать о моем городе? У тебя же то учеба, то ординатура, то я! – рассмеялась Жданка.

– Чему ты удивляешься? Когда просиживаешь в библиотеке часами, невольно хочется передохнуть. Вот я и копался в исторических хрониках! А Александр действительно женился на княжне Александре Брячеславне в 1239 году. Так что вполне возможно, что венчался он именно в храме Благовещения.

– А мы с тобой обвенчаемся? – спросила вдруг Жданка.

– Обязательно! Но сначала мы с тобой должны заключить особый союз. Знаешь, что здесь, в городе, когда-то давным-давно жил молодой скульптор, Марко Митров? У него были золотые руки – что видит, то и высекает из камня. Да всегда лучше, чем в жизни! Крылатые львы, рыбы, птицы – как живые! Далеко разнеслась молва о нем, каждому знатному человеку украшал он дом. И вот однажды увидел Марко Елену, дочь самого богатого человека в городе. Вспыхнула между ними такая любовь, что ни минуты не могли они провести порознь. Да только не суждено было им быть вместе! Тайно любили они друг друга, пока родители Елены не решили выдать ее замуж в другой город. От горя влюбленные бросились с крепостной стены в море. Но когда их тела коснулись воды, произошло чудо! Они превратились в удивительных рыб, а голос с неба вдруг сказал: «Как одно, пусть будут два! Будут два...» С тех пор и повелось название Будва! А в доме Марко люди на следующий день нашли дивный барельеф. Две рыбы

невиданные, сплетенные вместе. Накануне высек его Марко, будто знал о своей судьбе. Дом Марко Митрова стоит до сих пор. Стоит там и барельеф. И каждый, кто коснется его вместе со своей возлюбленной, будет одарен любовью – твердой как камень!

– Мы с тобой завтра же пойдем туда! – сказала, немного подумав, Жданка.

– Если ты готова к этому! – предупредил ее Себастьян.

Жданка очнулась от тишины. Обстрел прекратился. Некоторое время она прислушивалась, старалась разобраться в ситуации. Наконец приняла решение, стала выбираться из подвала. Едва Жданка поднялась в комнату, рев двигателей донесся снаружи. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять – она вляпалась! По разбитому шоссе к селению двигалась колонна бронетранспортеров! С винтовкой тут нечего делать. Нужно срочно уходить. Первый бронетранспортер замер на секунду прямо напротив дома. Башня развернулась, ствол тяжелого пулемета изрыгнул оранжевое пламя. Крупнокалиберные пули в щепки разнесли дверь. Несколько секунд спустя взорвалась установленная для пушек безопасности растяжка. Пулемет продолжал извергать пламя. Огромные, с палец размером пули с грохотом крошили кирпичи. Жданка юркнула в заднюю комнату. Проползла вдоль стены к разбитому окну. Перемахнула через щербатый подоконник, опустилась на толстый сук стоящего рядом с домом дуба. Балансируя зачехленной винтовкой, добралась до ствола. Белкой спустилась на каменистую землю. Здесь, под прикрытием старого дома, она чувствовала себя в относительной безопасности. По крайней мере, от пулеметного огня.

Скрываясь в зарослях, Жданка пробралась до склона и по едва заметной тропинке начала подниматься вверх, туда, где в двухстах метрах от дороги должна была находиться позиция артиллеристов. Карабкаясь на скалу, она не понимала, почему пушки молчат?

Внизу на дороге грохотали бронетранспортеры. Пыль клубилась над долиной. Скрежетали гусеницы, круша выщербленный асфальт. На обложенной бетонными блоками площадке, задрав в небо стволы, сиротливо застыли три противотанковые пушки. Вся оружейная прислуга, все расчеты лежали вповалку на обгазированной кровью земле. Вырезали всех, без единого выстрела. Очевидно, вскоре после того, как Жданка пробралась на позицию. Рано утром, на рассвете, с ней еще шутил молоденький командир батареи. Сейчас он с перерезанным горлом лежал у колеса крайнего орудия, остывший и равнодушный.

Жданке оставалось одно: каким-то образом пробираться в расположение, спастись от двинувшихся в наступление хорватов. До Бихача она добралась только к утру, но здесь ее ожидало полное разочарование. В городе уже хозяйничали враги.

Спрятавшись за каменной оградой, Жданка наблюдала, как по улице чередой шли грузовики с пьяными солдатами вражеской армии. Вдруг жесткая рука зажала ей рот. Жданка попыталась дернуться, но знакомый голос прямо в ухо прошептал:

– Тихо! Уходим. Я боялся, что ты уже не вернешься!

Скосив глаза, она увидела грязное, закопченное, суровое лицо Лукса.

Война закончилась неожиданно. Остатки разгромленной армии стягивались к границе Сербии. Налеты имперской авиации не прекращались ни днем ни ночью. В октябре Лукса зацепило осколком, Жданка, надрываясь, тащила истекающего кровью командира в укрытие. Следующая бомба разорвалась слишком близко. Она помнила, как ее оторвало от земли и с размаху швырнуло куда-то. Дальше была только боль.

Боль. Тупая, тянущая. Она наполняла каждую клеточку истерзанного тела. Иногда Жданка видела белые пятна и снова проваливалась в мучительную темноту. Первое более или менее ясное воспоминание – чужое мужское лицо, непонятный разговор. Язык был совер-

шенно незнаком. Чем-то отдаленно напоминал итальянский, но в то же время был абсолютно чужим. Что-то кольнуло в руку. Жданка провалилась в небытие.

Когда Лукс пришел навестить Жданку, она уже окрепла. Медицинская сестра вошла первой, принесла букет цветов в стеклянной, непривычной формы вазе, поставила на столик у окна, улыбнулась по возможности приветливо, следом за ней в палате появился Лукс. В строгом костюме, тщательно подстриженный, весь какой-то незнакомый и в то же время единственный, связывающий Жданку с прежней жизнью. Он что-то сказал медсестре, и та снова улыбнулась. Ответила вполголоса на незнакомом языке и вышла из палаты, оставив Лукса и Жданку наедине.

– Как ты, милая? – спросил Лукс по-сербски, присаживаясь на странную конструкцию из металлических хромированных трубок, очевидно символизирующую стул.

– Где я? – тускло спросила Жданка.

– В больнице. Тебя сильно приложило. Два месяца без сознания. Это круто! – улыбнулся Лукс. – Ты действительно ничего не помнишь?

– Нет! Где я? – снова задала вопрос Жданка.

– В больнице! Я же тебе говорил!

– Я не понимаю ничего из того, что они говорят! – пояснила Жданка, прислушиваясь к собственному голосу. Он казался ей чужим, как и все, что ее окружало.

– Ты помнишь, как тебя ранило? – спросил Лукс.

– Помню только близкий взрыв – и все. – Жданка замолчала, продолжила спустя минуту: – Ты был ранен. Осколок попал тебе в спину. Много крови!

– Это и было самым страшным. Рана оказалась неглубокой, но обширной. С тобой случилось хуже. Тяжелейшая контузия. Когда тебя сюда привезли, профессор Ионеску пришел в восторг. Потрясающий материал. Сильный молодой организм – и полностью отключен мозг. Можно было вылепить из тебя любую личность. Он большой спец по таким вопросам.

– Что значит – любую личность? – вяло переспросила Жданка.

– Очень просто. Внушить тебе иное сознание! Другое прошлое. Другие привычки. Тебя вообще бы тогда никто не узнал.

– Зачем?

– Мало ли! Вдруг ты пригодилась бы в качестве особого агента! Какой-нибудь спецслужбе! – без тени улыбки объяснил Лукс.

– Не хочу! – пробормотала Жданка, силы стремительно оставляли ее.

– Все понял! Ухожу! Навещу тебя завтра. Поправляйся! – Лукс встал.

Едва за ним закрылась дверь, Жданка снова провалилась в темноту. Она тогда еще не знала, что дважды ее выводили из комы, однажды она уже умирала, и клиническая смерть едва не закончилась биологической. Обо все этом Жданка узнала только спустя три месяца, когда самолет, на котором они с Луксом летели в Салоники, уже заходил на посадку. Сколько стоило ее лечение, Лукс так и не сказал, махнул рукой. Он вообще оказался немного странным. С профессором Ионеску разговаривал на вполне сносном румынском. С бортпроводницей кокетничал по-гречески. Трудно сказать, какой язык для него был родной, но теперь Жданка была уверена – не сербский. Однажды она спросила:

– Откуда ты родом, Лукс? Имя у тебя больно странное.

– Уже не помню! – отшутился он, но Жданка была уверена на сто процентов, что, если он не строго засекреченный агент, наверняка «дикий гусь», профессиональный наемник, меняющий паспорта чаще, чем женщина наряды.

Греция встретила их сильным ветром и непрерывным морозящим дождем. В небольшой гостинице, в крошечном номере на третьем этаже, Жданка куталась в одеяло, ожидая, когда вернется с какой-то деловой встречи Лукс. Она вспоминала номер в отеле, где когда-то жила в Будве с мужем, и кляла себя за то, что так и не сходила с ним в дом скульптора Марко Митрова,

так и не коснулась волшебного барельефа. Теперь по документам она жена Радмира Дубича, он же Лукс, зовут ее Миланка Дубич. Что касается имени, оно даже понравилось ей. Покрутившись перед зеркалом, подумала: «Ну чем не Миланка!» Стройна, длиннонога, достаточно красива. Вот только, к несчастью, не она!

Лукс явился поздно ночью. Усталый, голодный, злой.

– У нас поесть что-нибудь найдется? – спросил он, открывая в душе горячую воду.

– Немного сыра, хлеб. Вина полбутылки. Все, пожалуй! – ответила Жданка.

– Значит, жить будем! – откликнулся Лукс.

Через пару минут вышел из кабинки, на ходу обматывая бедра полотенцем.

– Могу сказать тебе по секрету, надолго мы здесь не задержимся. Завтра купи билеты на теплоход до Констанцы. Возвращаемся в Румынию!

– А зачем мы сюда прилетели? – удивилась Жданка.

– Работа такая! – отмахнулся Лукс. – Где сыр? Голоден, как сто чертей!

Жданка стояла на палубе неподалеку от трапа и всматривалась в толпу на причале, Лукса нигде не было. До отхода «Мелиссы» оставалось двадцать минут. Лукс не появлялся! Вот уже отдали швартовы. Засуетились, забегали матросы. Убрали трап. Лукса не было! Жданка растерянно смотрела на удаляющийся берег, до Констанцы ни одного захода в порт! Промерзнув до мозга костей, спустилась в каюту, в которой должна была плыть вместе с Луксом. Неожиданная утрата острой болью отозвалась в сердце. Нет! Она не любила его. Просто привыкла, что он рядом. Всегда. И под бомбежкой, и в больнице, и после. В меру внимательный, в меру заботливый, не особо досаждающий в постели, но такой надежный, проверенный. Жданка даже не относилась к нему как к любовнику, скорее как к другу. Да, он был именно другом, с которым время от времени нужно спать. Теперь он исчез. Просто опоздал на теплоход? Быть этого не может! Лукс пунктуален! Что-то случилось? Скорее всего. Только причина на то, чтобы он не приехал вовремя, должна быть очень серьезной. Он так и не сказал, зачем они прилетели в Салоники, но, если учитывать его специальность, по крайней мере, ту, о которой было известно Жданке, это могла быть только акция. Значит, он погиб или арестован. Только поэтому билеты покупала она! Что теперь делать? Немного денег у нее есть. Но их слишком мало для того, чтобы выжить в стране без языка и знакомых. Предпринять что-либо до прихода в Констанцу она не могла. Оставалось одно – постараться выспаться и хорошенько отдохнуть. В следующий раз удастся это сделать очень не скоро. Жданка проснулась на рассвете. Гудок, то нарастающий, то затухающий, не давал покоя. Одевшись, она вышла на палубу. Плотный туман окутал теплоход. Почти полный штиль. Волны лениво плескались о борт. «Мелисса» едва двигалась вперед. Услышав неподалеку русскую речь, Жданка подошла поближе к говорившему. Высокий, уже немолодой мужчина объяснял своей юной спутнице, что сейчас они проходят Дарданеллы.

– И чего? Долго мы тут будем топтаться? Нужно было самолетом лететь. Потянуло тебя на романтику! Тоже мне кайф, болтаться в море на этом ржавом корыте! – огрызнулась закутанная в шубку девушка.

– Милочка! Но это в самом деле романтично! Разве ты не мечтала когда-нибудь проплыть через Босфор и Дарданеллы? – искренне изумился мужчина.

– Мало того что здесь холодно, так еще и условий никаких! Скажи, котик, разве это люкс? Даже джакузи нет! – не успокаивалась девушка.

Жданке стало противно слушать визгливый голос девицы, она отошла в сторону. Все ясно, это пролив, за ним начнется Мраморное море.

Солнце, выглядевшее мутным светящимся пятном, неспешно поднималось над затянутым непроницаемым туманом горизонтом. Теплоход упрямо шел на север. Жданка зябко куталась в легкое пальто, но возвращаться в каюту не хотела. Одиночество становилось особенно невыносимым. Она старалась не думать о том, что случилось с Луксом, но страшные

мысли отогнать было трудно. Тем временем солнце начало разгонять туман. Он стал редеть и вскоре совсем исчез. Море выглядело удивительно спокойным. Пролив постепенно сужался. Высокий обрывистый берег слева нарастал, в какой-то момент Жданке начало казаться, что капитан потерял управление и набирающий скорость теплоход неминуемо врежется в белые скалы. Навстречу все чаще попадались другие суда. Пролив становился уже, и огромные корабли расходились настолько близко, что разбегающиеся от форштевней волны раскачивали «Мелиссу». Жданка, на время забыв о собственных страхах, с восторгом наблюдала за эволюциями кораблей и рыбацких лодок, которые заполнили всю прибрежную акваторию. Наконец пролив остался позади. Если с севера берег оставался достаточно близок, с юга уже терялся в дымке, пока не исчез совсем. По трансляции что-то объявили, сначала на греческом, затем на английском. Жданка уловила только знакомое «please» и «breakfast» и направилась вслед за другими пассажирами в кают-компанию.

Пассажиров на теплоходе оказалось немного, всего человек двадцать. Впрочем, неудивительно, теплоход был не круизным лайнером, обычным работягой, таскающим грузы по Черному морю. Капитан лично руководил скромным завтраком. Единственное, что удивило Жданку, – то обстоятельство, что капитан, невысокий плотный мужчина в грубом свитере под не слишком свежим кителем, недрогнувшей рукой осушил бокал «Метаксы», прежде чем покинуть кают-компанию. Впрочем, в чужой монастырь...

После завтрака Жданка опять заперлась в каюте и рухнула в постель, закуталась в одеяло, стараясь согреться. Холод, похоже, навсегда поселился внутри. Промучившись больше часа, вышла на палубу. Февральское солнце припекало всерьез. Даже поднявшийся ветер не мешал наслаждаться живительным теплом. Теперь Жданка начала замечать то, чего раньше не видела. Облупившуюся краску, ржавые потеки на обшивке. Грязь на палубе. Да, что и говорить, не для ВИП-персон. Она прошла на прогулочную палубу и устроилась на дощатой скамье. Слева уже виднелся город. Он, как мираж, поднимался из воды, становился с каждой минутой ярче и красивее. Жданка увлеклась зрелищем и даже не заметила, как рядом с ней присел тот самый мужчина, который рано утром объяснял девице, где они проплывают.

– Hi! Do you speak English? – спросил он.

– No, I do not speak! Вы говорите по-русски! Я свободно владею языком! – ответила Жданка.

– Очень приятно! Меня зовут Михаил! Михаил Ардашевский. Вы русская? – обрадовался мужчина.

– Можно и так сказать! – несколько уклончиво ответила Жданка. – Вы просто путешествуете или по делам?

– Просто захотелось романтики. Мы были в Греции, решили вернуться морем. К сожалению, смогли попасть только на этот теплоход. Впрочем, на мой взгляд, он не так уж и плох. А вы?

– Я не слишком часто плавала, так что не знаю, какие вообще бывают теплоходы. Честно говоря, я плыву по морю впервые.

– Бывалые моряки по морю ходят, а не плавают! – с улыбкой поправил Михаил. – Вы так и не представились! Я не знаю, как к вам обращаться.

– Милана. Милана Дубич. Я вас видела утром, вы были с девушкой. Мне показалось, она была чем-то раздражена?

– А, Милочка! Ей нездоровится. Укачало, знаете ли! – с кривой усмешкой ответил Михаил.

Жданка только кивнула в ответ. Она во время завтрака видела, как Милочка опрокидывала бокал за бокалом. Нечего удивляться, что ее «укачало».

– Вы когда-нибудь бывали в Стамбуле? – спросил Михаил, глядя на приближающийся город.

– Нет, а вы? – чтобы как-то поддержать разговор, отозвалась Жданка.

– Неоднократно. Я начинал свою деятельность с торговли кожей. Так что пришлось... Впрочем, это неинтересно. Смотрите! Видите, вон там – храм Софии!

Жданка посмотрела в указанном направлении. Совсем недалеко, на вершине холма, виднелось исполинское здание с купольной крышей и четырьмя странными высокими башнями.

– Это минареты! Храм строился как христианский, еще в XI веке, а после завоевания города турками был переделан в мечеть. Впрочем, все равно, это величайшее здание. Я вам как бывший архитектор говорю! – ответил на незаданный вопрос Михаил.

– А почему бывший? – невольно заинтересовалась Жданка.

– Просто сейчас это никому не нужно. Занялся коммерцией. Сначала кожа, затем недвижимость. Но, судя по всему, очень скоро мои знания могут быть востребованы. Тогда займусь любимым делом! – начал объяснять Михаил, но визгливый голос Милочки прервал его:

– Значит, пока меня мутит, ты, кобель старый, по бабам отправился!

Девица, пошатываясь, приближалась к ним. Жданка, не желая присутствовать при семейных разборках, предпочла ретироваться. Остаток дня и ночь она провела в каюте. Давно миновали Стамбул и турецкий берег. Теплоход упорно шел на север, преодолевая короткую крутую волну.

Теплоход уже давно стоял у причала, а Жданка старательно оттягивала момент, когда нужно будет покинуть каюту и спуститься на чужую землю. Стюард уже дважды стучал в дверь, напоминая о необходимости покинуть судно. Забросив на плечо дорожную сумку, Жданка вздохнула и направилась к трапу. Короткий, не слишком внимательный паспортный контроль – и вот она покинула пассажирский терминал порта. Едва остановилась, чтобы осмотреться, к ней подошел молодой парень, немного коверкая слова, сказал по-сербски:

– Ты Жданка? Тебе привет от Лукса! У него неприятности. Ты пока поживешь у меня. Он просил.

Жданка даже вздрогнула от неожиданности, но почему-то решила довериться парню. Старенькие «жигули» ожидали неподалеку. По дороге парень пытался разговаривать, но плохое знание языка не позволило разобраться в ситуации. Единственное, что поняла Жданка, это то, что зовут парня Ион, жить она будет в гостинице, которая принадлежит его отцу. Больше часа понадобилось, чтобы добраться до места. Небольшой городок на побережье казался покинутым. Ветер подметал пустынные улочки. Нагонял тоску. Двухэтажный домик, спрятавшийся в голом саду. Крошечная, чуть побольше платяного шкафа, комнатка с единственным окном под самым потолком, жесткая узкая сиротская кровать, железная вешалка, прибитая возле двери. Мужчина, отец Иона, не говорил ни слова. Молча указал Жданке на кровать и вышел. До самого вечера женщине казалось, что о ней забыли. Только когда за окном стемнело, мужчина без стука вошел к ней и жестом позвал куда-то. Жданка послушно поднялась, стараясь принимать происходящее как должное. То, что Лукс о ней не забыл и умудрился организовать встречу, немного успокаивало, но будущее оставалось таким же непредсказуемым, как и день назад.

В просторной кухне собралось, как поняла Жданка, все семейство. Отец, хозяин дома, его жена, хрупкая темноволосая женщина с живыми, не утратившими интереса к происходящему глазами, Ион и две девицы, очевидно дочери. Мамалыга с брынзой, неизменное вино и хлеб – вот и все разносолы. Ужинали молча. Когда трапеза подошла к концу, отец начал что-то говорить по-румынски. Ион, выслушав, попытался перевести. Из его речи Жданка поняла, что денег с нее не возьмут, но работать придется вместе со всеми. Пора готовить гостиницу к приему постояльцев.

На следующее утро начались трудовые будни. Вмести с сестрами Иона, Марицей и Луцией, Жданка белила стены в комнатах для жильцов, отмывала окна. После обеда, не самого

роскошного, но сытного, девушки пригласили ее прогуляться. До моря, еще зимнего, холодного, пришлось идти минут сорок. Вдоль бескрайнего пляжа протянулась череда современных отелей, тоже по большей части пустующих, лишь в немногих были постояльцы.

До конца мая Жданка работала вместе с девушками то в гостинице, то на стройке. Таскала кирпичи, ведра с раствором, мыла, стирала, носила доски, двигала неподъемные плиты. От Лукса больше вестей не было. Однажды вечером к ней в комнату зашел Ион. Его не было две недели.

- Тебе нужно уезжать. Лукас передал деньги. Приехать не сможет.
- Куда уезжать? – спросила Жданка.
- Не знаю. Тут оставаться нельзя.
- Ты сможешь помочь мне перебраться в Украину? – вдруг решила Жданка.
- Нет. Только в Молдавию, – глухо ответил Ион.

Автовокзал оказался довольно далеко, идти по пыльной неуютной улице пришлось долго. Вот только поход оказался весьма печальным. Единственный автобус на сегодня ушел давно и больше ничего в обозримом будущем не ожидалось. Нет, расписание автобусов в разные концы страны конечно же имелось, да только касса с заколоченным окошком уже несколько лет не работала, а единственный частный автобус попросту дожидался нужного количества пассажиров и отправлялся когда вздумается. Присев на камень, Жданка задумалась. Решение нужно было принимать глобальное. Если румынским пограничникам она показала сербский паспорт, в котором фигурировала фамилия мужа, здесь нужно было сообразить, с какими документами оставаться безопаснее. У нее сохранился старый, советский паспорт, пусть и заграничный, но все же на девичью фамилию. Какие изменения произошли в бывшей огромной стране, спросить было не у кого. Решив, что Лукс неспроста приказал скрыться, Жданка решила вернуть себе прежнее имя. Возле автовокзала стали собираться какие-то женщины. С сумками и паке-тами, явно собирались куда-то ехать. Как ни пыталась Жданка понять – куда, ничего путного выяснить не удалось, между собой женщины говорили только на молдавском. Оживление среди женщин возросло, когда на площади появился белый микроавтобус. За рулем сидела местная дама средних лет. Остановившись рядом с группой уезжающих, она вышла из микроавтобуса и начала что-то читать по бумажке. Жданка поняла – она зачитывает имена, и на всякий случай подошла поближе.

- Так что, вы говорите, Светлана не поедет? – спросила шоферша, пряча бумагу в сумку.
- Нет, у нее дома неприятности! – на русском ответила одна из женщин.
- Жаль. Честно говоря, я на нее рассчитывала. Ей что, деньги не нужны? Она тут никогда столько не заработает! – сказала хозяйка микроавтобуса. – Ладно, не поедет, значит, и ждать не будем. Грузитесь!

Жданка, осмелев, подошла к женщине-водителю и спросила:

- Простите, а вы куда едете? Может быть, я с вами?
- К морю едем. Но попутчиков я не беру, – ответила женщина, забираясь на высокое сиденье.
- Понимаете, мне очень нужно! – попросила Жданка.
- Девушка, я везу этих женщин на работу! Мне некогда с вами заниматься! – отрезала шоферша.
- Как же мне быть? Здесь транспорт не ходит. Я собиралась добраться хотя бы до Тирасполя.
- Вы с луны, что ли, свалились? Там же война! – удивилась женщина. – Зачем вам туда?
- Вообще-то мне нужно добраться до Эридана. Это довольно далеко, вы, наверное, и не знаете.

– Ошибаетесь! У меня в пансионате отдыхали люди из этого города. Вы сами оттуда? – пришла пора удивиться женщине.

– Да, только уехала давно. Теперь хочу вернуться, – вздохнула Жданка.

– Садитесь. Рядом со мной. На переднее сиденье. По дороге поговорим, – вдруг смягчилась женщина. – Меня, кстати, Леной зовут.

– Жанна! – представилась Жданка и смутилась. Уже много лет она не называла своего имени. Себастьян с первой встречи окрестил ее на свой манер, с тех пор она почти забыла имя, данное при рождении.

Узкая, когда-то заасфальтированная дорога петляла без видимых причин. Лена вела машину осторожно, притормаживая перед выбоинами.

– Так у вас свой пансионат? – спросила Жанна, когда виноградники закончились и потянулись возделанные бахчи.

– Пока не свой. Мы с мужем арендуем. Он служил в вашем городе. Ушел в отставку. Работы нет, вот и рискнули. Уже третий сезон крутимся. Набираю молдаванок на работу. У них-то вообще работы нет. А семьи большие. Скоро сезон начинается – нужно базу отдыха в порядок привезти, да и после кухня, стирка, забот хватает. А тебя как занесло в эти края?

– После университета вышла замуж. За серба. Уехала с ним. Мой муж был врачом. Погиб год назад. После, во время бомбежки, погиб и наш сын. Одна осталась, теперь добираюсь домой. У меня там мама.

– Деньги-то у тебя есть?

– Есть немного, на дорогу хватит, – ответила Жанна.

– А документы? У нас ведь теперь кругом границы.

– Старый загранпаспорт. Вот и все.

– Ну, это что-то. Послушай, Жанна, а что, если ты у меня пока поработаешь? А после, с очередной группой, вернешься в родной город? Соглашайся! Все равно от нас выбраться не просто. А автобусом тебя довезут прямо до места! – вдруг предложила Лена.

Жанна немного подумала и согласилась. К вечеру приехали на побережье. В сумерках Жанна не смогла оценить состояние пансионата, но утром пришла в ужас. Зимние шторма не пощадил бывший пионерлагерь. Стены домиков были в подтеках соли, истерзаны ветрами, краска облупилась и поднялась шубой. Стекла заросли толстым слоем соленой грязи. Работы действительно оказалось невпроворот. За дело взялись дружно. Саша, муж хозяйки, работал вместе со всеми, таскал, чистил, разгребал. До темноты успели привести в более-менее пристойное состояние один домик, а их стояло больше десятка. Внутри работы тоже было много, отсыревшие обои отстали от дощатых стен, вспучились, непросохшие полы корбились. Жанна не могла поверить, что за оставшийся месяц они управятся со всем.

Здесь оказалось даже потруднее, чем в Румынии. Работали от зари до зари, с редкими перерывами, но успели в срок. Когда 10 июня первый автобус развернулся на территории, все, что могло блеснуть, сверкало как начищенный самовар, свежеекрашенные стены домиков весело светились всеми цветами радуги. Шторы на окнах хрустели – отутюженные и накрахмаленные. На оконных стеклах ни пятнышка. А уж внутри... взбитые подушки, свежайшие простыни и все прочее, без чего невозможно представить нормальный отдых.

Как ни хотела Жанна попасть домой поскорее, Лена уговорила ее остаться до конца сезона.

– Жанна, сама посуди, ты не была дома много лет. Какая теперь разница, месяцем раньше, месяцем позже. Просто без тебя мне трудно придется. Ты такая хваткая, быстрая, лучшая помощница. Молдаванки скоро почти все разъедутся. У них огороды, бахчи, везде нужны женские руки. Со мной останутся только повара да двое ребят-разнорабочих. Останься! Подумай, и денег заработаешь, и с последней группой вернешься на родину.

Жанна согласилась. Что-то останавливало, после долгого отсутствия она никак не могла решиться вернуться домой. В свое время мама была против брака с Себастьяном. Кроме того, она сама собиралась устроить личную жизнь, и теперь Жанна была не слишком уверена, что ее примут в родном доме.

В родной город, покинутый когда-то, Жанна вернулась вечером. Денег было достаточно, чтобы начать жизнь сначала. Первым делом она позвонила матери. Отчим, а именно он поднял трубку, не узнал ее и позвал Ольгу Владимировну.

– Мама! Я приехала! – выпалила Жанна.

– Доча?! Откуда ты звонишь? – изумилась мать.

– Я уже в городе! Приехала насовсем.

– Ты одна? – с неясной настороженностью спросила Ольга Владимировна.

– Да, мама! Одна. Совсем. К тебе можно? – уловив напряжение в голосе матери, спросила Жанна.

– Конечно! Мы ждем тебя!

Через полчаса Жанна рассказывала матери о своих злоключениях. Поведала о том, как погиб Себастьян, о том, как потеряла сына, о том, что сама воевала и дважды была ранена, умолчала. Ни к чему знать о таком матери. Отчим сидел за столом, молча слушал рассказ Жанны и только хмыкал. Когда Жанна закончила, угрюмо спросил:

– Жить где собираешься? У нас, как ты понимаешь, и так развернуться негде. Денег небось привезла много. Там по границам такие, как ты, лопатой гребут! А тут каждую копейку потом поливаешь. Надо тебе думать о жилье!

– Вася! Ну ты что! Дочка едва ли не с того света вернулась! – запричитала Ольга Владимировна.

– Вот я и говорю! Не ждали ее! Не молодые мы уже, чтобы нервы трепать! Переночует, а завтра пусть ищет, где жить! – отрезал отчим.

Вдвоем с мамой они засиделась в тот вечер допоздна. Утром, запершись в ванной, стала обдумывать, как жить дальше. Университетский диплом пропал после бомбежки. Паспорт – только заграничный. Жить негде. Сложилось так, что никому она не нужна на родине.

В университете с ней даже не стали разговаривать. Потребовали паспорт. Пришлось отправиться в милицию. Написала объяснительную, заплатила солидный штраф за то, что не обратилась для замены паспорта своевременно. С работой, как выяснилось, дело обстояло совсем плохо. Учителя с высшей категорией работали продавцами на рынке. Промышленность практически остановилась. Безработица и безденежье, вот что грозило Жанне. А еще открытым оставался вопрос с жильем. На то, чтобы купить квартиру, денег не было. Единственный вариант – снять. Но цены оказались пугающими. Она попыталась связаться с оставшимися в городе друзьями, но так ни до кого и не дозвонилась.

То, что ей удалось снять комнатку в частном доме, на окраине города, Жанна посчитала огромным везением. В самом деле, жилье обошлось почти в пять раз дешевле, чем в центре. Гораздо хуже дела обстояли с работой. Наученная горьким опытом, Жанна готова была заниматься чем угодно, но вот только предложение значительно опережало спрос. Рабочих мест не было. Даже на рынок продавцом устроиться оказалось совсем не просто. Кому-то из хозяев казалось, что Жанна слишком молода, кому-то наоборот. Выручила бабка Варя. Хозяйка домика, в котором сняла комнату Жанна. Баба Варя свела жиличку со своей подругой, та работала нянечкой в детском саду. Разговор с заведующей, состоявшийся через три недели после возвращения девушки в родной город, оказался непростым. Но воспитателей не хватало, и Алина Дмитриевна, связавшись с университетом по своим каналам, убедилась в том, что Жанна действительно его закончила, причем весьма успешно, и смирилась с отсутствием нужных документов.

– Значит, так, голубушка! Я тебя беру. Но условие такое. Полностью я тебя оформлю только при наличии паспорта и диплома. Ясно? До того времени будешь работать на птичьих правах. Ты сама в таком случае будешь заинтересована получить документы. Согласна?

– Да! Когда приступать? – уточнила Жанна.

– С понедельника! – коротко ответила Алина Дмитриевна и углубилась в изучение очередного декрета, как обычно ставившего все с ног на голову.

Это может показаться странным, но в начале лета Жанна, хотя и ощущала накопившуюся за год усталость, совершенно не стремилась в отпуск. Более того, перспектива оказаться одной, без привычной детворы, пугала ее. Поэтому предложение Алины Дмитриевны вместо отпуска отправиться воспитателем в детский лагерь отдыха Жанна восприняла с воодушевлением.

– Сама подумай, голубушка. Свежий воздух. Великолепный сосновый лес. Озеро рядом, санаторная зона. По вечерам, когда детей уложишь, можно и на дискотеку сбегать. Ты же у нас совсем молоденькая, от парней наверняка отбоя нет. Опять же – лишняя копейка не помешает. Отдохнешь, здоровье поправишь, чтобы с новыми силами вернуться в детсад. Да и город рядом, всего-то полчаса на электричке! – убеждала Жанну Алина Дмитриевна, не замечая, что девушка уже летит в тот самый лес, который красочно описывала заведующая.

К тому времени, как детский сад закрыли на плановый ремонт, Жанна уже упаковала сумку, чтобы отправиться в неизвестность. Ее немного смутили слова заведующей насчет парней, но с того момента, как она потеряла Лукса, никого у нее не было. Всю зиму даже мыслей на эту тему не возникало, а сейчас...

Жанна остановилась возле распахнутого платяного шкафа. Взгляд зацепился за светло-кремовый брючный костюм. Предельно простой и в то же время элегантный, он был особенно хорош в сочетании с сербской нежно-оливковой блузой. Его подарил Жанне Себастьян, незадолго до войны. Она надевала его всего несколько раз и всегда производила фурор. Вот и сейчас – Жанна не удержалась и невольно вспомнила, какая она была, довоенная жизнь. Память услужливо нарисовала яркую картину – освещенный зал, дамы в вечерних туалетах, Себастьян в светлом, безупречном костюме – и она рядом. Тронутые загаром плечи оттенены нежнейшим батистом блузы. Алые цветочки ручной вышивки дополняют ослепительную улыбку. Нежно-кремовое бюстье делает грудь более пышной и соблазнительной, свободно спадающие брюки создают иллюзию полета. Как же она тогда была счастлива! Увы, Себастьяна уже не вернуть, как не вернуть прежнюю жизнь.

Платье из маркизета, когда-то безумно дорогое – тоже подарок мужа. Насыщенный винный цвет легкой ткани удивительным образом гармонировал с отросшими за зиму каштановыми волнистыми локонами. Платье по-прежнему безупречно облегалo точеную фигуру. Немного поразмыслив, Жанна отправила его вслед за костюмом в сумку. Мало ли, вдруг и впрямь удастся сходить на дискотеку!

Разбитые кроссовки вряд ли выдержат испытание лесом, но других не было, оставалось надеяться, что эти не развалятся в первый день. Шлепанцы – не лучшая обувь для прогулок, но все же не босиком. А вот на босоножки, единственную подходящую для танцев обувь, Жанна смотрела с сожалением. Убиты почти вконец, даже кожа начала растрескиваться местами, ну да ладно, сойдет для сельской местности.

Упаковав сумку, Жанна опустилась на старенький продавленный диван, служивший ей и местом для отдыха, и постелью. Усталость сказывалась. Отработав зиму и весну с двадцатью непоседливыми, шумными созданиями, она больше всего на свете мечтала отоспаться.

Прошедший ночью небольшой дождь прибил пыль на тропинке. Солнце, пробиваясь сквозь кроны величественных сосен, выводило затейливый рисунок на усыпанной прошлогодней хвоей земле. Бор был буквально пронизан радостным светом и как будто сиял изнутри. Жанна поправила сумку на плече и шагнула с лестницы в янтарное царство.

Она приехала вместе с другими воспитателями и вожатыми за три дня до начала лагерной смены и теперь, направляясь к месту предстоящей работы, размышляла, что предстоит сделать в первую очередь.

– Да не парься ты! Все классно будет! Ты универ когда закончила? Я что-то тебя не видел на дискотеках? – сказал молоденький паренек, увязавшийся вслед за Жанной.

– Давно! – отмахнулась Жанна.

– Да не бычь, ты! Я по чесноку тебя не видел! Ты откуда? – не унимался паренек.

– Слушай, мальчик, откуда ты такой взялся? – уже со смехом спросила Жанна, невольно останавливаясь.

– Оттуда, откуда все берутся! Ты какой факультет закончила? – продолжал наседать парень.

Теперь Жанна смотрела на него не как на назойливую муху, а как на нечто прилипчивое и неприятное. Да и видок у парня был неординарный. Широленные, на восемь размеров больше, брюки держались каким-то чудом на узких мальчишеских бедрах. Огромная растянутая майка перекашивала его нескладную фигуру. Массивная спортивная сумка непонятно как держалась на худющем плече. Из-под перекошенной, одетой боком бейсболки во все стороны торчали спутанные светлые волосы. Но самым поразительным было обилие всевозможных булавок, замочков, цепей и цепочек, навешанных на парне, словно на новогодней елке. Взглянув на него, Жанна присвистнула по-мальчишески:

– Ну ты даешь! Тебя что, и в универ в таком виде пускают? – удивленно воскликнула она.

– А что такого? – искренне изумился парень. – Нормалек. Прикид что надо. Меня Саней зовут. А тебя?

– Жанна! – рассмеялась девушка. – Только ты зря пузыри пускаешь, старовата я для тебя. Найди кого помоложе. Будь мне лет на десять меньше, я бы, наверное, запала на такого пацана, как ты.

– Гонишь, подруга! Тебе хорошо если двадцать есть! – воскликнул Сашка.

– Добавь еще восемь – и попадешь в точку! – не в силах избавиться от дурашливого тона, ответила Жанна.

– Серьезно! – Брови Саньки взлетели до самой бейсболки. Ни в жисть не подумал бы! Во, блин, жсть!

– Ладно! – милостиво согласилась девушка. – Быть тебе, Санчо, моим верным оруженосцем! Согласен?

– Чтоб я сдох! – ударил себя кулаком в чахлую грудь парень.

Волею случая, а возможно не только, Жанна и Санчо оказались вожатыми в одном отряде. Подопечные у них должны были быть самые маленькие – семилетки. Но Жанну это не пугало. Все равно проще, чем с привычными трехлетками.

Полдня ушло на то, чтобы обустроиться. Жанна поселилась вместе с одной из воспитательниц в крошечной каморке рядом с выходом из корпуса. Убранство комнатки можно было бы назвать спартанским. Две узкие кровати, две тумбочки, шкафчик в простенке у двери, маленький столик, приткнувшийся у незашторенного окна. Ванда Феликсовна, соседка и в некотором роде начальница Жанны, оказалась ее ровесницей. Только педагогического стажа у нее больше, да и в этом лагере она третий сезон.

Раскладывая вещи по полкам, Ванда Феликсовна задумчиво посмотрела на висящий на вешалке костюм Жанны и тихо сказала:

– Знали и мы лучшие времена!

– Что? – переспросила Жанна.

– Костюм, говорю, шикарный. Не китайский ширпотреб! – тихо произнесла Ванда Феликсовна.

– Да, остатки от прежней жизни, – согласилась Жанна, отметив про себя, что женщина понимает толк в вещах.

– Жалько, что такая вещь без толку пропадает! Здесь и носить-то его некуда. Разве что комаров удивлять! Впрочем, в санатории каждый вечер дискотеки. Ты любишь танцевать? – спросила она Жанну.

– Очень. Только будет ли у нас время на развлечения? Я ведь в детском саду работаю. Знаю, как приходится за детворой следить. А тут они, наверное, совсем от рук отбиваются.

– Как сказать. У нас ведь выходные скользящие, через пять дней. Отдохнуть можно вполне сносно. Главное дело – детям на глаза не попадаться. В лесу можно погулять. На озеро сходить. Покупаться вволю, если вода теплая. Да и вообще... Кстати, у тебя семья в городе? Съездишь. Тут всего-то полчаса на электричке.

Жанна промолчала, но паузы, с которыми говорила Ванда Феликсовна, про себя отметила.

К вечеру начальник лагеря собрал, как он выразился, личный состав для беседы. После получасового вливания отпустил всех отдыхать, а сам попросил задержаться завхоза и врача. Жанна, уже слабо воспринимавшая действительность, едва не падала с ног от усталости. Но на крыльце ожидал Санчо.

– Привет! Как ты смотришь на то, чтобы отметить начало рабочей деятельности? – спросил он.

– Знаешь, я так устала, что у меня одно желание – нырнуть под душ и лечь спать.

– Так душ еще не работает! Я выяснил. Горячая вода будет только послезавтра. У меня есть пиво! А озеро рядом!

– Скажешь тоже! Знаю я это рядом. Через санаторий идти! – возразила Жанна.

– Ну и что? Минут пять, от силы десять. Если ползти, как черепахам. Знаешь, встречаются две улитки, одна с раковиной, вторая без. Та, что с раковиной, спрашивает вторую: «Что с тобой, подруга?» А та ей отвечает: «Тсссс. Я из дома убежала!»

Жанна рассмеялась и неожиданно для себя согласилась.

– Подожди, я только купальник возьму! – сказала она.

Дорога показалась короткой. Непонятно почему, рядом с Санчо она чувствовала себя в безопасности. Парень не давал повода сомневаться в своей порядочности. В санатории гремела музыка. Разодетые в пух и прах дамочки спешили на танцы, а Жанна с Санчо, не обращая внимания на них, уверенно направлялись к озеру. Освещенная аллея вывела к короткой широкой лестнице, полого сбегавшей на слабо освещенный пляж. Санчо отыскал уютную скамью, с которой открывался восхитительный вид на залитую лунным сиянием водную гладь. Жанне невольно вспомнилось прошлогоднее празднование полнолуния, и она, тихонько вздохнув, с сожалением подумала, что уже никогда в ее жизни подобного не случится.

– Ты чего? Устала? – вдруг заботливо поинтересовался Санчо.

– Нет! То есть устала, конечно, но сейчас просто вспомнила прошлое лето.

– У тебя муж или мужчина есть? – поинтересовался спутник.

– Нет! – просто ответила Жанна. – Надеюсь, ты в мои мужчины не набиваешься?

– Не-е-е! Просто спросил. Вдруг заявится кто-нибудь и морду мне станет чистить. Давай лучше пить пиво и смотреть на луну. В городе она совсем не такая! Жалкая какая-то.

– Слушай, Санчо, что это вдруг все повально подсели на пиво?

– Так мы, программеры, только его и пьем! Ну, еще кофе! – гордо заявил Санчо.

– Ты программист? – удивилась Жанна.

– Да! Я ведь не только в универе учусь! Я на фирме работаю. Правда, мы больше компы собираем, но проги тоже пишу!

– А сюда зачем приехал? – поинтересовалась Жанна.

– А-а-а! Родаки заставили! Не в кайф им смотреть, как я по ночам с компом тырюсь! Секи! Я прогу сбавал! Бабло срубил – и тут же за новую принимаюсь. Вот матушка и взвыла: «Ты уже зеленый весь! Вали в лагерь, на травку!» Что я, нар-кот, чтобы на травке сидеть? В общем, заперли они комп. А меня сюда сослали. Вот теперь буду все лето оттягиваться. Ты пей пиво!

Жанна сделала глоток прямо из бутылки. Странно, но напиток оказался не так уж и плох. Легкая горчинка была приятной, а выраженный хмелевой вкус немного взбодрил.

– Ты знаешь, вполне сносно! – похвалила она.

– Так что я тебе талдычу! Классное пиво! – обрадованно воскликнул Санчо. – Кто первый купаться пойдет?

– Мне переодеться нужно! – спохватилась Жанна.

– А вон там кабинки есть! – показал куда-то за спину Санчо.

Вечерний воздух немного охлаждал кожу. Наверное, от этого, а еще от непонятного волнения Жанну слегка потряхивало. Бросив на бегу вещи на скамью рядом с парнем, она устремилась к воде. Удивительно, но вода вопреки ожиданиям оказалась теплой. Надеюсь, что на санаторном пляже опасность ее не подстерегает, девушка бросилась в озеро и поплыла, быстро удаляясь от скудно освещенного берега. Конечно, это не Адриатика, но вполне терпимо. Особенно если учесть, что миновал трудный хлопотный день и можно немного расслабиться... Она перевернулась на спину. Луна, яркая на темном небе, словно надвинулась на нее. Жанна невольно закрыла глаза. Теплая, ласкающая кожу вода нежно обтекала тело. Едва шевеля руками, Жанна лежала на поверхности и от души наслаждалась покоем. Время остановилось. В дивном единении с природой девушка забыла обо всех неприятностях. Даже дневная усталость куда-то испарилась, словно ее не было.

Выбравшись на песок, девушка отыскала глазами скамью, на которой ее поджидал Санчо. Далековато! Жанна с сожалением вспомнила о забытом в комнате полотенце. «Вот черт! Так и замерзнуть недолго!» – подумала она и припустила бегом к парню. Когда она приблизилась, Санчо поднялся ей навстречу, на ходу разворачивая... полотенце!

– Оботрись! Замерзнешь! Ты здорово плаваешь! Я тебя почти не видел! – сказал он.

– Спасибо! – только и смогла произнести Жанна. Губы слушались плохо.

– Посиди пока! Я окунусь! – сообщил Санчо и, сбросив свои удивительные штаны и безразмерную майку, вразвалочку направился к воде.

Пока он плавал, Жанна успела переодеться и, сидя на скамье, неспешно потягивала пиво, глядела на озеро.

– Ух! Хороша водица! – совсем рядом раздался голос Санчо.

Он уже стоял рядом. Вода стекала с его худого, хоть анатомию изучай, тела.

В комнату Жанна добралась к полуночи. Санчо, словно заправский кавалер, проводил ее до самой двери, прощаясь, спросил:

– Ты завтра вечером пойдешь купаться?

– Если погода будет хорошая! Спасибо тебе, верный оруженосец! – улыбнулась Жанна.

Оставшиеся дни Жанна вместе с остальными вожатыми и воспитателями готовила лагерь. С Вандой не удавалось даже поговорить. Вечером, когда Жанна возвращалась с ночного купания, соседка спала. Или делала вид, что спит. Только накануне заезда Ванда засиделась с бумагами, и, когда Жанна вошла, удивленно посмотрела на девушку, словно увидела впервые.

– А ты все работаешь? – весело спросила Жанна.

– Не всем же мальчиков соблазнять! – неожиданно резко огрызнулась соседка.

Жанна опешила от неожиданности.

– Да ты что?! Вовсе я не собираюсь никого соблазнять! – воскликнула она и застыла посреди комнатухи.

– Можно подумать, этого никто не видит! – Ванда отвернулась.

– погоди! Ты что думаешь, я с ним сплю? – почему-то шепотом спросила Жанна.

– А я свечку не держала! Одно могу тебе сказать: если вы начнете так откровенно демонстрировать свои шуры-муры, оба вылетите из лагеря в одну минуту!

– Пойми ты! У меня с ним ничего быть не может! Он же совсем мальчишка!

– Тебе видней! Но тискаться по углам в нашем возрасте неприлично! Особенно с малолетками! Все! Не мешай мне работать!

– Нет! Ты начала разговор, давай его закончим! Нам с тобой работать все лето! Лучше сразу расставить все точки. Я сюда приехала вовсе не затем, чтобы, как ты выразилась, тискаться по углам. У меня с Сашей нормальные дружеские отношения. Ни он, ни тем более я не собираемся их переводить в иную плоскость, – попыталась объяснить Жанна.

Ванда вдруг вскочила и с пылающими гневом глазами шагнула к девушке:

– Что ты знаешь о дружеских отношениях? Или не догадываешься, что дружбы между мужчиной и женщиной существовать просто не может?! Рано или поздно он заберется в твою постель, и моли Бога, чтобы об этом не узнали все!

– Ванда! Что с тобой?! Ты говоришь так, словно я увела у тебя мужа! – удивленно сказала Жанна.

Ванда отвернулась. По щекам катились крупные слезы. Она схватила с постели полотенце и прижала его к лицу. Не чувствуя ног, медленно опустилась на кровать и уронила голову.

Жанна в недоумении присела рядом, обняла за плечи рыдающую девушку.

– Что с тобой случилось? Тебя бросил мужчина? – с участием спросила Ванду.

– Ничего! Это пройдет! – сквозь слезы ответила та.

– Лучше забудь о нем. Жизнь на этом не кончается. Я, когда потеряла семью, тоже плакала все глаза, пока не поняла, что есть выход.

– Что значит семью? Ты ведь не замужем? – вытирая покрасневший нос, спросила Ванда.

– Все у меня было, и муж, и ребенок. Ничего не осталось, – грустно сказала Жанна, поглаживая плечо соседки.

– Как же так? Авария?

– Война! Я ведь в Сербии жила. Там и остались все мои, вернулась одна.

– Я об этом не знала! – воскликнула Ванда.

– Да, я тебе первой говорю. Только моя мама знает, и то не все. А у тебя что за горе?

– Да так. Просто человек, которому я доверяла, оказался подонком! Обычная житейская история! Воспользовался, а после ославил, вот и все! Теперь нужно искать новую работу. Ну, это уже после возвращения домой. Ладно, давай спать, завтра дети приедут, нужно быть в форме.

С приездом детей заботы обрушились на воспитателей и вожатых как снежный ком. Неделью пришлось утрясать всевозможные неурядицы, а после как-то вдруг стало тихо. Маленькие сорванцы притерлись друг к другу, вожатые отыскивали ключики для контакта с детьми. В общем, наступил относительный покой. А тут еще подоспел первый заслуженный выходной. Жанна, проснувшись, немного растерялась. Домой ехать не было нужды. Конечно, неплохо повидать маму, но сегодня рабочий день, встреча не состоится. Виделись они незадолго до отъезда Жанны в лагерь. Мама очень сильно сдала в последнее время. Нет, она не жаловалась, но и так было видно, что отчим извел бедную женщину. Даже одеваться мама стала как-то по-старушечьи, неброско, немарко. На все вопросы дочери только отмахивалась. Жанна тогда приняла решение поддержать мать, но для этого нужны были деньги, потому она без колебаний согласилась отправиться сюда. И вот первый день, когда не нужно присматривать за беспокойным хозяйством, можно заниматься чем угодно. Только вопрос: что делать? Оставаться на виду нельзя. Дети быстро найдут ей занятие, поэтому лучше уйти с территории. День выдался пасмурный, на пляже не поваляешься, остается одно – отправиться в лес. Жанна

еще в бытность студенткой не раз бывала в этих местах, благо недалеко от города, но всегда приезжала сюда с компанией, а сегодня предстояло провести день в одиночестве.

Впрочем, это не пугало ее. О многом нужно было подумать.

Тропинка в обход санатория убегала вправо. Идти по редкому сосновому бору было легко и приятно. День выдался нежаркий. Жанна сбежала с пригорка, и перед ней раскинулась долина Шевинки. Небольшая речушка, каким-то чудом за долгие века, а может, и тысячелетия пробилась среди окружающих холмов широкую долину, местами заболоченную, поросшую купами кустарника да редкими деревьями. Узкая тропа причудливо вилась по сухим местам, уходила все дальше на юго-запад. Где-то там когда-то был мостик, по которому Жанна не раз переправлялась на противоположный, высокий берег. Над буйной растительностью носились неугомонные шмели. Сверкающие крыльями стрекозы зависали над цветками в поисках добычи. Легкий ветерок шелестел в зарослях камыша.

Жанна, добравшись до речки, с разочарованием посмотрела на оставшиеся от моста столбы. Почерневшие, наполовину ушедшие под воду, они, словно гнилые зубы, заставили ее содрогнуться. К счастью, место здесь было мелкое, и девушка решила не возвращаться. Разувшись, на всякий случай огляделась и, не обнаружив поблизости ни единой живой души, стянула старенькие линялые джинсы. Вода в речушке в первый момент обожгла, заставила судорожно сжаться сердце, но идти было совсем недалеко. Всего каких-то десять метров. Вскрабавшись на крутой глинистый склон, Жанна присела на обнаженный корень дуба, нависшего над болотистой равниной. Когда-то она бывала здесь вместе с Себастьяном. Сколько лет прошло, неумолимое время разрушило мост, унесло следы бывавших в этих местах людей, лишь то, что было сотворено самой природой, осталось неизменным. Все та же река, все то же озеро, сверкающее сквозь листву, та же долина, поросшая кустарником. Внезапно острая грусть кольнула грудь. Мир кажется изменчивым и стремительным, но только людям, которые живут короткую и неразумную жизнь. Вместо того чтобы ощутить вечность, впитать ее в себя, они что-то делают, пытаются кого-то подчинить себе, развязывают бессмысленные войны, убивают и калечат себе подобных. Лучше бы ушли в леса и горы! Слились с вечной, восхитительной природой. Уже нет рядом Себастьяна, погиб невинный, никому не причинивший зла ребенок, и все ради чьего-то призрачного желания навязать свою волю другим. Как жаль, что она никогда не сможет отомстить тому, кто развязал эту жестокую кровавую войну. Натравил людей, веками живших бок о бок, друг на друга. Принудил их проливать чужую кровь только для того, чтобы заработать очередные миллионы и миллиарды. Да, ей пришлось убивать! Но не она развязала войну! Она только мстила убийцам за смерть мужа, за сына, убитого кем-то, даже не задумывавшимся, что произойдет после того, как его рука нажмет кнопку бомбосбрасывателя. Всего одно движение, почти никаких усилий – и сотни людей, живых, красивых, счастливых, превратятся в кровавое месиво, иссеченное осколками, обожженное пламенем чудовищного взрыва. Умное оружие! Как же! Каким диким и безжалостным зверем нужно быть, чтобы не только бездумно нажать проклятую кнопку, а придумать, сделать, загрузить самолет, который тоже создан с единственной целью – убивать! Миллионы людей тупо, бездумно делают бомбы и ракеты только для того, чтобы заработать побольше денег. Они не дают себе труда задуматься, что станет с ними, когда такая же бомба упадет на их дом. Когда в адском пламени испарится живая человеческая душа. Когда тело любимой женщины, разорванное осколками, будет истекать горячей пузырящейся кровью, и никто не придет ей на помощь!

Да, она стреляла! Точно и быстро! Всегда поражая цель! Но с единственным желанием остановить тех, кто пришел убивать, насиловать, истязать, сдирать с живых кожу, колоть штыками, а после фотографироваться на фоне растерзанных тел женщин и детей. Она, как могла, защищала жизнь! Да, она сеяла смерть, но с единственной целью – спасти живых, а еще – отомстить! Отомстить за тех, кого уже потеряла на этой безумной войне!

Сжатые в кулаки пальцы заныли. Жанна медленно обвела взглядом долину и, страхнув прилипший к ногам песок и комочки желтой глины, торопливо натянула джинсы. Хорошо, что ее здесь никто не видит! Можно не держать лицо и поплакать. Кроссовки снова негромко зашлепали по убегающей вверх тропе. Лес шумел кронами. Тучи понемногу растягивало, время от времени стало проглядывать солнце. В его лучах засияли неброские лесные цветы. Тропинка слилась с песчаной дорогой, а Жанна просто шла, погруженная в свои мысли.

Могучая река преградила путь, дорога, будто испугавшись, резко вильнула влево, над высоким обрывом застыли в последнем объятии две сосны. Одна еще цепко держалась за кручу, а из-под второй песок давно обрушился в темную стремительную воду. Переплетенные корнями, словно вцепившиеся друг в друга, сосны упорно держались на вершине.

«Странно, совсем как мы с Луксом!» – подумала Жанна и испугалась собственной мысли. Почему вдруг из глубин памяти появился именно этот образ, а не муж? Только потому, что с Луксом они были соратниками? Спасали друг друга? Прикрывали спину, вытаскивали из-под обстрелов, изредка занимались сексом? Но это неправильно! На первом месте должен быть Себастьян! Только его она не смогла спасти. Его растерзала кучка обезумевших от безнаказанности врагов, которые ворвались в госпиталь и не оставили никого в живых. Только женщины, обесчещенные, избитые, исколотые штыками, лежали привязанными к больничным койкам. Их насиловали скопом, не разбирая, молодые они или старые. То, что половина из них после сошли с ума, – другая история. Мужчин не просто убили. Над ними долго измывались, резали, поджигали, отрубали руки и ноги, выкалывали глаза. Узнав о том, что произошло в госпитале, Жанна взялась за оружие. У нее просто не было иного выхода, почему же сейчас эти две сосны напомнили ей не о Себастьяне? Разве не его она любила? Разве не пошла на войну мстить за его смерть? Тогда почему Лукс? Ведь не с ним она проводила безумные ночи любви! Не от него зачала и родила сына! С ним, по сути, ее ничего не связывало! Всего-то ни к чему не обязывающий мимолетный секс да фронтовая дружба. Как могло случиться, что именно это стало доминантой в ее ассоциациях?

Расстроенная неожиданным, неприятным открытием, Жанна направилась обратно, день понемногу клонился к исходу. Обед она пропустила, но совершенно забыла об этом. Слишком ярко оказались воспоминания, слишком страшными были выводы.

Отношения с Вандой начали улучшаться после того, как Жанна подменила женщину, дала ей возможность отдохнуть. Ванда Феликсовна тоже никуда не поехала, наоборот, почти весь день просидела в комнате, полностью погрузившись в чтение. Жанна случайно обратила внимание на книгу и удивилась: книга оказалась на итальянском языке.

– Ты читаешь на иностранном? – не скрывая изумления, спросила Жанна.

– Я же окончила иняз! Свободно владею английским, немецким, немного хуже испанским и итальянским! – спокойно ответила Ванда.

– Здорово! Я только русским и сербским. Английский очень слабо. А почему не поехала домой?

– Нечего там делать. У меня мужа нет, детей нет. Так что спешить некуда.

– Странно! Ты такая красивая, умная – и одна!

– В этом как раз странности нет! Мужчина существо, как правило, пугливое и крайне осторожное. Только лучшие охотницы могут добыть достойный зачетный экземпляр. Я себя такой никогда не считала. А использовать саму себя в качестве наживки не приучена.

– Прости, не поняла?

– Что тут непонятного! – воскликнула Ванда, откладывая книгу. – Сама посуди! Ты готова отбить мужчину у своей подруги? Даже самого лучшего? Нет? Вот тебе и ответ на вопрос. Значит, ты не охотница! У тебя у самой, ты говорила, никого нет? А почему? Разве не хочется замуж?

– Хочется! – просто сказала Жанна. – Но я люблю своего мужа. Хотя его и нет. Это трудно объяснить, безумно хочется чувствовать рядом с собой настоящего мужчину, а в то же время я не представляю, что для этого нужно. Не ловить же их сачком!

– В таком случае как ты справляешься с собой? Я слышала, многие женщины страдают, если долго нет мужчины.

– Честно? Я никогда об этом не задумывалась. Пашу на две ставки. С семи до семи. Опять же, готовиться нужно. Планы писать. Оставаться после работы, чтобы их напечатать. Прихожу домой, мне не то что мужчину не хочется, поесть себе нет сил приготовить. Хорошо хозяйка иногда выручает, приготовит что-нибудь, накормит. А ты как живешь? – спросила Жанна.

– Нормально! Выживаю, как видишь. Если честно, последнее время жизнь дала трещину. Мечты о настоящей дружбе и большой светлой любви разбились о скалы подлости и предательства. Человек, которого я считала другом, оказался подонком. Я не хочу об этом вспоминать.

– Именно по этой причине ты прячешься здесь? А родители?

– Родители далеко. В столице. Кстати, как у тебя с Сашей?

– Нормально. Он хороший мальчик. Помогает мне чем может. Сегодня пригласил на дискотеку. После отбоя, конечно! – уточнила Жанна.

– А меня с собой возьмете? – вдруг попросила Ванда.

– Разумеется! – воодушевилась Жанна. – Дети уснут, и сбегает. Я договорюсь на всякий случай с воспитателями из другого отряда. Пусть присмотрят. Мало ли что!

Запахнувшись в не по сезону легкую куртку, Жанна заперла дверь и спустилась по уже темной лестнице на первый этаж. Когда она выходила во двор детского садика, ей показалось – промелькнула неясная тень, но она отмахнулась от всколыхнувшихся воспоминаний. Мокрый снег с дождем и ветер в лицо. Невольно отвернешься, попытаешься закрыться, спрятаться.

Мужчина возник ниоткуда. Словно материализовался из ветра. Прижал Жанну к себе. Подвернул за подбородок, поцеловал осторожно в распахнутые от удивления глаза.

– Привет! Жданка! Я нашел тебя! – сказал по-русски.

– Боже! Откуда ты?! – выдохнула Жданка. Она в самом деле неожиданно почувствовала себя Жданкой.

Он улыбался. Капли дождя стекали по добротной дубленке, на непокрытой голове, на густых русых волосах дрожали мокрые снежинки. Жданка задыхалась от счастья. Этого не может быть! Как? Откуда он появился? Нет, не сию минуту! Вообще! Ведь пропал когда-то, предупредил, чтобы она уходила, и не оставил для нее ни малейшей надежды на встречи. И вот сейчас, миражом возникнув в предрождественский вечер из снежной круговерти, уверенно, как когда-то, держит ее за руку, улыбается открытой светлой улыбкой.

– Я не верю глазам! Ты вернулся! – воскликнула Жданка.

Он промолчал, снова нежно поцеловал глаза и повел за ворота. Неистовый декабрьский ветер трепал курточку Жданки, но, странное дело, рядом с Луксом она не чувствовала холода. Когда они вышли на проспект, мужчина властным движением руки остановил такси, помог Жданке забраться внутрь, в приятное после непогоды, пропахшее чужими запахами нутро автомобиля.

Назвал водителю самую дорогую в городе гостиницу, повернулся к Жданке:

– Надеюсь, тебя не ожидает муж?

– Нет! – односложно ответила она.

Теперь Жанна видела, насколько он изменился. Возле глаз пролегли незнакомые морщинки. Виски тронула ранняя седина. На скуле прямо под левым глазом появился шрам, очевидно недавний, еще красный.

– В таком случае ты не будешь против, если я тебя украду?

– Нет! – улыбнулась Жданка.

– Ты хочешь сказать, что у меня нет соперника, который станет ревновать? – улыбнулся мужчина.

– Нет! – кивнула Жданка.

– Ты знаешь еще какие-нибудь слова?

– Нет! – рассмеялась она.

Она почувствовала некоторое смущение, когда шла вслед за ним по коридору гостиницы. Белье хоть и новое, но дешёвенькое, куплено на рынке, на распродаже. «А, будь что будет! Если дело дойдет до постели, нужно будет раздеться в ванной и предстать перед ним голой!» – решила Жданка, глядя, как он отпирает дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.